

Вспоминая Великую Отечественную...

Московское народное ополчение: причины и особенности создания

Олег Будницкий

**Moscow People's Militia:
reasons and peculiarities of formation**

Oleg Budnitskii

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI 10.31857/S086956870010139-3

Во второй половине дня 1 июля 1941 г. секретарям райкомов партии Москвы сообщили, что они должны явиться к двум часам ночи в Кремль к В.М. Молотову. Собравшимся пришлось прождать полтора или два часа: Молотов проводил совещание. Наконец, их пригласили в кабинет второго человека страны. В кабинете также находились Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков, второй секретарь МГК ВКП(б) Г.М. Попов, командующий Московским военным округом (МВО) генерал-лейтенант П.А. Артемьев. Совещание продолжалось около получаса. Молотов проводил его стоя. Стенограмма не велась и о происходившем, в том числе о словах Молотова, известно по рассказам секретарей московских райкомов¹. Молотов, в частности, сказал: «Страна находится в опасности, враг подошёл к Минску, надо поднять народ, и создать народное ополчение»²; «Иосиф Виссарионович дал указание о том, чтобы в Москве сформировать несколько дивизий народного ополчения... Нужно организовать в каждом районе такую дивизию»³. Был установлен срок создания ополчения — 6 июля. Учитывая время, необходимое для принятия формального решения и оповещение партийных организаций предприятий и учреждений, на формирование 25 дивизий народного ополчения (ДНО) отводилось три дня.

События развивались стремительно. 2 июля в МГК Щербаков провёл совещание с секретарями райкомов, председателями райисполкомов, райвоен-

---

© 2020 О.В. Будницкий

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

¹ Беседы с ними были проведены сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Комиссия Минца) в 1942—1945 гг. Состав участников совещания, которых называли собеседники историков, разнится. К примеру, секретарь Дзержинского РК П.И. Ходоров упоминал начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии Л.З. Мехлиса (Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН), ф. 2, разд. IX, оп. 2, д. 17, л. 1 об.).

² НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 1. Стенограмма беседы, проведенной с секретарём Куйбышевского райкома ВКП(б) Н.В. Шаховой 24 июля 1942 г.

³ Там же, оп. 2, д. 17, л. 1. По свидетельству первого секретаря Ленинградского РК ВКП(б) А.Я. Секачёва, предложение сформировать 25 дивизий народного ополчения по числу районов Москвы исходило от Щербакова (Там же, оп. 8, д. 1-а, л. 12).

комами и представителями НКВД по вопросу формирования ДНО. В этот же день Военный совет МВО принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»: «Мобилизовать... по Москве 200 тыс. человек и по Московской области — 70 тыс. человек. В Москве мобилизацию начать 3.7 и закончить 5.7, по Московской области мобилизацию начать 3.7 и закончить 6.7. Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева... Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу»⁴.

3 июля о необходимости ополчения заявил в выступлении по радио И.В. Сталин: «Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение»⁵. 4 июля Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения», фактически дублировавшее решение Военсовета МВО от 2 июля⁶.

О народном ополчении, прежде всего Москвы, написано немало исследований, опубликован значительный корпус документов и воспоминаний⁷. Однако на важнейший вопрос — чем было вызвано это решение? — мы до сих пор не имеем ясного ответа. К 1 июля успешно завершилась мобилизация военнообязанных 1905—1918 г.р., начавшаяся 23 июня. В РККА и ВМФ были призваны 5,3 млн человек⁸. Зачем на следующий день после завершения мобилизации потребовалось в срочном порядке создавать народное ополчение, причём привлекать в его состав людей непризывных возрастов или же не подлежавших мобилизации по другим основаниям? Тем более что материально и в кадровом отношении планируемое мероприятие было совершенно неподготовлено: ДНО должны были снабжаться за счёт предприятий и районов, в которых они формировались, командный состав и вооружение должен был обеспечить МВО, необходимыми ресурсами в достаточном количестве не располагавший. Почему не прибегли к более рациональному способу увеличения численности армии

---

⁴ Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978. С. 29—30.

⁵ Правда. 1941. 3 июля.

⁶ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995. С. 261—262.

⁷ См.: Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров народного ополчения / Ред. Г.Д. Костомаров. М., 1961; Москва — фронту. 1941—1945. Сборник документов и материалов / Отв. ред. С.М. Кляцкин. М., 1966; *Алещенко Н.М., Буков К.И., Колесник А.Д., Синецын А.М.* Московское ополчение. Краткий исторический очерк. М., 1969; *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; *Колесник А.Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; *Кирсанов Н.А.* По зову Родины (Добровольческие военизированные формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974; Москва военная... С. 257—305; Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001. С. 89—104; Из истории московского народного ополчения: По документам Центрального государственного архива города Москвы. М., 2017 (электронное издание); и др.

⁸ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2009. С. 35.

путём дополнительной мобилизации? Ведь именно это было сделано уже в августе, когда призвали военнообязанных старших возрастов (1890—1904 г.р.) и призывников, родившихся в 1923 г. В целом, несмотря на огромные потери, ежемесячная списочная численность Красной армии (без ВМФ) практически непрерывно росла. Если на 1 июля она составляла (без учёта находившихся в госпиталях) 4,7 млн человек (цифры округлены), то на 1 августа — 6,7 млн, 1 сентября — 7,6 млн, 1 октября — 7,9 млн⁹.

В литературе обычно указывается, что создание народного ополчения стало ответом власти на инициативу снизу, добровольческое движение¹⁰. Этот тезис восходит к постановлению ГКО от 4 июля, в котором говорилось, что ополчение создаётся «в соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области»¹¹. Воля многих тысяч москвичей добровольно принять участие в вооружённой борьбе с агрессором сомнений не вызывает. Однако стремились они вступить в Красную армию, а не в ополчение. В информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 28 июня о ходе мобилизации и политических настроениях населения, основанной на сообщениях 36 обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, говорится о большом количестве заявлений о добровольном вступлении в армию, однако ополчение не упоминается вовсе¹². В первые дни войны, согласно постановлению СНК от 24 июня, на добровольной основе стали создаваться истребительные батальоны НКВД, предназначавшиеся главным образом для борьбы с диверсантами и парашютными десантами противника. Однако ни по своим задачам, ни по масштабам они были несопоставимы с ДНО¹³. Вопрос о создании ополчения в печати не обсуждался и пропагандистской кампании, обычно предшествовавшей важным начинаниям власти, на страницах печати до речи Сталина 3 июля не велось¹⁴.

Приведу в качестве примера кампанию, предварявшую драконовский указ от 26 июня 1940 г., фактически прикреплявший работников к предприятиям и вводивший уголовные наказания за нарушения трудовой дисциплины, включая опоздания на работу. Трудящиеся Москвы и Ленинграда требовали «сурово карать дезорганизаторов, срывающих производство, мешающих... честным рабочим и работницам увеличивать выпуск продукции»¹⁵; «единодушно заявляли» о необходимости «повести решительную борьбу с дезорганизаторами производства, обуздать их силой советского закона»¹⁶. Рабочие мариупольской «Азовстали» считали: «Надо издать такой закон, который бы положил конец перелётам

⁹ Там же. С. 39—40.

¹⁰ См., например: *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. С. 26, 100—101; *Куморага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 5. С. 37; Из истории московского народного ополчения... С. 7.

¹¹ Москва военная... С. 261.

¹² Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С. 210—212.

¹³ См. подробнее: *Биленко С.В.* На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне. М., 1988; *Цыпленков К.* Московские истребительные батальоны. Июль—октябрь 1941 // Старый Цейхгауз. 2009. № 31. С. 50—56.

¹⁴ На страницах «Правды», «Известий», «Ленинградской правды» вплоть до 3 июля словосочетание «народное ополчение» не встречается.

¹⁵ Нельзя церемониться с летунами и прогульщиками! // Правда. 1940. 22 июня. С. 3.

¹⁶ Обуздать дезорганизаторов производства // Правда. 1940. 22 июня. С. 3.

дезорганизаторов производства с предприятия на предприятие, из цеха в цех»¹⁷. И «советский закон» не замедлил последовать. Трудящиеся, если верить советской прессе, горячо поддержали обращение профсоюзов об ухудшении условий их труда. В частности, на митинге рабочих и служащих киевского завода «Ленинская кузница» была принята резолюция, горячо одобрявшая указ; она завершалась словами: «Да здравствует товарищ Сталин, наш родной, любимый отец и друг!»¹⁸.

Создание ополчения, конечно, совсем другая история, однако отсутствие пропагандистского обеспечения, как правило, означало отсутствие намерений. Об этом свидетельствует тщательно отредактированная Сталиным директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, разосланная 29 июня членам и кандидатам в члены ЦК партии, наркомам СССР, первым секретарям обкомов и крайкомов, председателям обл- и крайисполкомов. В ней о формировании народного ополчения не упоминается¹⁹. Эта директива легла в основу речи вождя 3 июля. Одним из немногих существенных дополнений к ней стал призыв к формированию народного ополчения.

Тезису о спонтанности создания народного ополчения как будто противоречит факт проведения 26 июня совещания по этому вопросу в Кремле с участием Сталина, высшего государственного и партийного руководства страны, а также руководителей и некоторых секретарей райкомов партийной организации Москвы. Полагаю, что этот «факт» — не более чем историографический миф. Впервые сведения об этом совещании были приведены в 1972 г. К.И. Буковым²⁰. С тех пор они неизменно и почти дословно цитируются в литературе²¹.

Единственный источник сведений об этом совещании — воспоминания, точнее, стенограмма беседы с секретарём Киевского райкома партии столицы Н.Г. Ликовенковым, проведённой И.И. Минцем 21 апреля 1945 г. Источник, на мой взгляд, крайне ненадёжный и путанный. Так, в начале беседы Ликовенков сообщил, что в субботу 26 июня его вызвали с дачи в Малаховке в Москву на экстренное ночное совещание у Щербакова. Из дальнейшего рассказа с очевидностью следует, что речь на самом деле идёт о 21 июня, ибо на следующий день началась война. Приведу фрагменты, относящиеся к совещаниям (по рассказу Ликовенкова, их было два) о создании народного ополчения:

«26 числа был я в Кремле. Беседа была с товарищем Молотовым, и первый и второй раз. Нас четверо было: я, Данилов²², Федотов, Суровой. Тогда товарищ Сталин поставил перед нами вопрос об истории, знаем ли мы об ополченцах отечественной войны, как москвичи будут смотреть, смогут ли ор-

¹⁷ Летуны и прогульки мешают увеличению производства металла // Правда. 1940. 23 июня. С. 2.

¹⁸ Правда. 1940. 26 июня. С. 1.

¹⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941—1945. М., 2005. С. 34—37.

²⁰ Буков К.И. Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М., 1972. С. 31.

²¹ Колесник А.Д. Ополченческие формирования... С. 9; Добров П.В., Колесник А.Д., Куманёв Г.А., Пашино Я.Е. Народное ополчение защищает Родину. М., 1990. С. 27; Киторага Т.Г. Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания. С. 37; Разин С.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской (140-й стрелковой) дивизии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 26; Lévesque J. Moscow 1941: the rise and fall of the Soviet People's Militia (Narodnoe Opolchenie) // The Civilianization of War: the changing civil-military divide, 1914—2014 / Ed. by A. Barros, M. Thomas. Cambridge, 2018. P. 68.

²² Так в тексте. Имеется в виду секретарь Пролетарского РК ВКП(б) И.В. Данилин.

ганизовать ополчение и проч. и проч. ... Первый и второй раз был я, Федотов, Суровой, Данилов, Попов, Александр Сергеевич (Щербаков. — *О.Б.*), Маленков, Молотов, Ворошилов... Оба совещания были в кабинете тов. Молотова. Помню, первый раз мы пришли, сели... Расположились, поздравились. Тов. Молотов поинтересовался, как настроение. В это время подошёл состав Политбюро: Маленков, Ворошилов и другие, и разговор пошёл о положении дел, что нужно делать. Второй раз также мы собрались за чашкой чая, расположились. Здесь стали говорить, как, что москвичи, кто может сказать. Как раз сидел рядом со мной Александр Сергеевич, напротив тов. Попов. Разыгрывали: начинай говорить. Потом розыгрыш пошёл в обратную сторону. Я выступил, сказал: “Наше мнение скажет словами руководитель московских большевиков тов. Щербаков...”. Александр Сергеевич выступил. Сидели, ждали. Чувствуем, что разговор-то идёт, но чего-то ждут. Потом дверь открывается, и вперед дым. Мы, секретари, все переглянулись — Сталин. Вошёл тов. Сталин, тепло с нами поздоровался. Попов рекомендовал: секретари такие-то, Москворецкий, Ленинский... Я уже не помню, что сказал Александр Сергеевич. Товарищ Сталин спрашивал: “Читали ли вы о народном ополчении, что знаете, как сейчас народ встретит? Пойдёт ли народ? Получим ли мы отклик народа? Москвичи должны показать пример”»²³.

Рассказ об обеих встречах, на которых «состав Политбюро», а затем Сталин советуется с секретарями райкомов о том, «что нужно делать», выглядит не слишком реалистично. В особенности это касается 26 июня, когда Сталин почти непрерывно проводил совещания с высшими военачальниками, партийными и государственными руководителями. С 12:10 до 16:50 в его кабинете побывали 15 человек; Молотов присутствовал с 12:50 до 16:50, выйдя из кабинета вождем последним. В 17:45 Сталин уже принимал у себя Ворошилова и Берия, вышел из кабинета в 23:20, вместе с Молотовым, вновь находившимся у него с 19:00²⁴. Если допустить, что рассказ Ликовенкова верен, то совещание у Молотова с участием Сталина могло произойти только в период между 16:50 и 17:45. Таким образом, Молотов, выйдя от Сталина, успел собрать совещание московских партийных руководителей, попил с ними чаю, обсудил положение, потянул время, чтобы дождаться Сталина, которому представили секретарей райкомов, причём пригласили на встречу почему-то только четверых из них. С ними вождем стал обсуждать вопрос о создании народного ополчения. Всё это в течение 55 минут. Теоретически возможно, в реальности — крайне сомнительно.

Сомнения превращаются в уверенность, если учесть свидетельство ещё одного из якобы участников совещания 26 июня, бывшего первого секретаря Ленинского РК Н.М. Суругова. Точнее, отсутствие свидетельства. Сотрудники Комиссии Минца провели с ним беседу о создании народного ополчения 2 февраля 1945 г. Он рассказал, с некоторыми вариациями, то же, что и другие участники совещания в Кремле 2 июля. При этом ни словом не упомянул совещание 26 июня с участием Сталина²⁵. Трудно представить, что Суругов, в момент проведения беседы секретарь МГК ВКП(б), мог запомнить день, когда

²³ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 4, д. 10, л. 3 об.—4.

²⁴ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 339—340.

²⁵ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 7, д. 10, л. 10 об.—11.

его представили вождю. Ещё один якобы участник, Г.И. Федотов, к июню 1941 г. уже почти два года не был секретарем Москворецкого РК²⁶.

По словам Ликовенкова, ДНО Киевского района начала формироваться 28 июня (это логично, если считать, что указания получены 26-го), а 30 июня ей был присвоен № 21 (при том, что решение создать 25 дивизий, по числу районов города, было принято 2 июля). «Я помню, тогда 4 220 коммунистов было, — рассказывал Ликовенков. — Заявлений было больше в значительной степени. В отчёте военного отдела остался этот материал»²⁷. Отчёт военного отдела Киевского райкома партии Москвы о работе за период Великой Отечественной войны по состоянию на 1 сентября 1942 г. сохранился и частично опубликован. В нём говорится: «С 3 июля 1941 г. в районе организуется дивизия народного ополчения имени Киевского района... 4 июля поступают в РК ВКП(б) списки от организаций записавшихся в дивизию Киевского района». 6 июля состоялась первая поверка дивизии, «явились на сборный пункт 7 660 чел[овек], из них коммунистов и кандидатов партии 716 чел[овек], комсомольцев 491 чел[овек]. Явка 100%, комплектование дивизии закончено». Отчёт, датированный 19 сентября 1942 г., подписан ни кем иным, как самим Ликовенковым²⁸. Таким образом, никаких особенностей в формировании 21-й ДНО не наблюдалось. Она была создана в те же сроки, что и остальные дивизии московского народного ополчения.

Не буду гадать, чем вызваны несообразности в рассказе Ликовенкова — аберрацией памяти или стремлением показаться более значительной фигурой, чем он был на самом деле²⁹. Полагаю, что приведённые выше данные позволяют с полным основанием признать «факт» совещания 26 июня 1941 г. по вопросу о создании народного ополчения небывшим.

Решение о формировании народного ополчения в Москве и других городах было принято, скорее всего, 1 июля. В этот день Сталин дважды принимал Щербакова — с 16:50 до 19:15 и с 22:40 до 23:50. Оба раза одновременно у Сталина был Молотов, причём во втором случае в кабинете вождя около получаса были только они двое³⁰. Вряд ли вызов Щербакова и последовавшие вслед за его первым посещением звонки секретарям райкомов Москвы с ночным вызовом в Кремль не связаны между собой.

Полагаю, что решающим фактором, вызвавшим решение о создании московского народного ополчения, стал захват вермахтом Минска 28 июня. Советское руководство уже в первые дни войны осознало масштаб угрозы.

²⁶ Гарнок С.Д. Московская власть: городская организация КПСС и её органы. Март 1917 — ноябрь 1991. Справочник. М., 2012. С. 350.

²⁷ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 4, д. 10, л. 3 об.— 4.

²⁸ Там же, д. 1, л. 1—1 об.; Ополчение на защите Москвы... С. 69—70.

²⁹ В конце 1950-х гг. Ликовенков, работавший в то время начальником Управления культуры Мособлисполкома рассказывал сотрудникам, что в «октябре сорок первого года ему позвонили в Краснопресненский райком и сказали, что его вызывает к себе товарищ Сталин. Николай Георгиевич тотчас собрался и когда приехал, то в кабинете у вождя застал почти всех секретарей московских райкомов — Сталин хотел лично ознакомиться с положением дел на подступах к столице и каждому из секретарей задавал один и тот же вопрос. Дошла очередь и до Ликовенкова. «Как думаете, товарищ Ликовенков, Пресня не подведёт Москву?» «Не подведём, товарищ Сталин, умрём, а не отступим!», — ответил Николай Георгиевич». (Перельман В.Б. Покинутая Россия. Кн. 1. Тель-Авив, 1976. С. 202—203). На самом деле Ликовенков был в то время секретарём Киевского, а не Краснопресненского райкома, но в данном случае важно не это. В списке посетителей кабинета Сталина Ликовенков ни в октябре 1941 г., ни в какое-либо другое время не значится.

³⁰ На приёме у Сталина... С. 341.

24 июня создан Совет по эвакуации. 27 июня приняты постановления ЦК и СНК о порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества; о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля и об эвакуации из Москвы и Ленинграда авиационных заводов, 29 июня — о переводе из Москвы полностью или частично наркоматов и главных управлений³¹.

И всё же падение Минска стало шоком. Катастрофа Западного фронта становилась всё более очевидной. 29 июня впервые с начала войны в кабинете Сталина в Кремле не состоялось заседаний. Вечером он в сопровождении Молотова, А.И. Микояна и Берии отправился в Наркомат обороны, чтобы «на месте» получить от военных разъяснения, что происходит. Осознав масштабы катастрофы, вождь обрушил гнев на генералов. Нервы начальника Генерального штаба Г.К. Жукова не выдержали: он, по словам Микояна, «разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату». Выходя из здания НКО, Сталин констатировал: «Ленин оставил нам великое наследие, мы — его наследники — всё это просрали». 30 июня он не приехал в Кремль, оставшись на даче. Встревоженные соратники, никто из которых не решался отправиться к вождю в одиночку, придумали способ вернуть Сталина к делам: они отправились к нему в резиденцию с предложением создать чрезвычайный орган — Государственный комитет обороны. Сталин идею поддержал, и на следующий день соответствующее постановление было опубликовано³².

Нетрудно подсчитать, что если бы немцы сохранили первоначальные темпы наступления, то после взятия Минска они вышли бы на ближние подступы к столице через две недели. Создание народного ополчения — очевидная реакция на эту угрозу, стремление создать дополнительные резервы для защиты города. Об этом, собственно, и говорил Молотов. По воспоминаниям П.И. Ходорова, он сказал, что, «поскольку Минск не в наших руках, нужно думать об обороне Москвы, помочь Красной армии»³³. Думаю, точнее передаёт его слова («враг подошёл к Минску») Н.М. Шахова³⁴. Дело не только в том, что её рассказ был записан на два года раньше, чем Ходорова. Информация о падении Минска ещё не была обнародована, и вряд ли осторожный Молотов стал бы сообщать об этом прискорбном событии даже секретарям райкомов. Официального сообщения о падении столицы Белоруссии так никогда и не последовало. Гражданам предоставили возможность догадаться об этом самим.

Не менее важной причиной решения, чем формирование дополнительных резервов для защиты Москвы, было стремление опереться на надёжные вооружённые формирования. Прилагательные «надёжный» и «лучший» постоянно употребляются в отношении ДНО и в газетных статьях, и в официальных документах. Проводя 2 июля совещание по вопросу об их создании, Щербаков воспроизвёл указание Молотова, чтобы «Москва отобрала лучших надёжных товарищей»³⁵. Таковыми считались рабочие и едва ли не главные бенефициары

³¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201—202, 208—209, 212—214.

³² Начало войны. Из воспоминаний А.И. Микояна // 1941 год. Кн. 2 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 497—498; *Хлевнюк О.В.* Сталин: жизнь одного вождя. Биография. М., 2015. С. 280—283.

³³ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 2, д. 17, л. 1—1 об.

³⁴ Там же, оп. 20, д. 2, л. 1.

³⁵ Там же, оп. 2, д. 17, л. 1—1 об.; второй секретарь Дзержинского РК П.И. Вакуленко «особенно ярко» вспоминал рассказ приехавшего с кремлёвского совещания Ходорова о создании народного ополчения, причём «это будут такие части, которые должны быть сформированы из луч-

режима — столичные служащие и учащиеся, в особенности коммунисты и комсомольцы. Да и само формирование дивизий проводилось райкомами партии, конечно, в сотрудничестве с местными Советами и военными комиссариатами. Это была дань отчасти марксистским идеям опоры на рабочий класс, отчасти — памяти о Гражданской войне. Ополчение представлялось реинкарнацией красной гвардии, вплоть до одежды. В проекте постановления ГКО говорилось: «Каждый боец дивизии народного ополчения является в своём рабочем обмундировании. Отличительным знаком... является красноармейская звезда на фуражке». Однако Молотов вычеркнул этот пункт³⁶.

Тема народного ополчения стала на страницах газет одной из центральных сразу после выступления Сталина. Причём именно он, а не «трудящиеся Москвы и Ленинграда», объявлялся инициатором его создания: «Призывы вождя о народном ополчении нашёл могучий отклик среди трудящихся»³⁷, «По призыву великого Сталина советский народ уже становится в ряды народного ополчения. Сыны великого народа объединяются в единый мощный военный коллектив для отпора врагу»³⁸. «Товарищ Сталин выразил волю миллионов, — говорилось на митинге работников завода “Большевик” в Ленинграде. — Активное участие в народном ополчении, к созданию которого уже приступили партийные и непартийные большевики Ленинграда, должно стать делом чести, кровным делом каждого гражданина»³⁹.

В выступлениях на митингах в связи с речью Сталина и его призывом почти во всех случаях содержатся апелляции к опыту Гражданской войны. Служащий Трёхгорной мануфактуры М.Н. Меньшиков вспоминал, «как рабочие фабрики били врага на фронтах гражданской войны... Опыт старых бойцов надо поставить сегодня на службу отечеству. Путь товарищи берут в руки оружие. Пусть они зорко охраняют свою Москву, свою Трёхгорку. Пусть несут всяческую службу — военную, охранную, чекистскую»⁴⁰. В Ленинграде вспоминали об обороне Петрограда от «банд Юденича» и как рабочие, «сменив станки на винтовки, мощным ударом разбили вражьи полчища»⁴¹.

5 июля «Правда» под шапкой «В народное ополчение!» напечатала информацию о митинге «старейшей в Запорожье артели имени III Интернационала». На нём выступил участник Гражданской войны И.И. Салов, рассказавший молодёжи, «как двадцать три года назад народ Украины боролся с немецкими оккупантами, как украинцы громили и гнали со своей земли врага». Ниже было опубликовано «Письмо запорожских колхозников», т.е. той же артели. Несомненно, авторы (то ли колхозники, то ли «правдисты») вдохновились «письмом запорожцев турецкому султану». В письме, в частности, говорилось: «Наш колхоз славен не только высокими урожаями, но и лихими рубаками, меткими

ших людей... это будет такая военная сила, которая должна стать лучшими дивизиями Красной армии» (Там же, д. 8, л. 4).

³⁶ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 1, л. 112 (URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368279/images>).

³⁷ На призыв Сталина (Трёхгорная мануфактура им. Дзержинского) // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

³⁸ Да здравствует вдохновитель и организатор наших побед — великий Сталин! Из резолюции цеховых митингов работников завода им. Менжинского // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

³⁹ Товарищ Сталин выразил волю миллионов // Там же.

⁴⁰ На призыв Сталина...

⁴¹ Смерть фашизму! (Металлический завод имени Сталина, Ленинград); Товарищ Сталин выразил волю миллионов // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

стрелками, пулемётчиками, гранатомётчиками... Как в своё время богунцы и тарашанцы ответили немецкому наёмнику Петлюре, так и мы словами героев скажем взбесившейся собаке: проклятый Гитлер, не панувати панам на Украине... Став грудью на защиту родины, мы скажем кровавому Гитлеру: твоего війська мы не боїмось. Землею и водою будем битись з тобою! Сгинешь, свиняча морда, різницька собака!»⁴².

Не вдаваясь в историю создания ленинградской армии народного ополчения, замечу, что, несмотря на ряд практических шагов, предпринятых уже в конце июня⁴³, широкая кампания в печати там развернулась также только после речи Сталина. В передовой статье «Ленинградской правды» от 4 июля, в частности, говорилось: «Коллективы заводов, фабрик, учреждений выделяют в ряды Народного ополчения лучших своих людей»⁴⁴. В этом же номере большая статья рассказала об обороне Петрограда в период Гражданской войны. В ней, среди прочего, говорилось, что «кровавый Гитлер сулит оголтелой финской белогвардейщине Ленинград». Воспроизводился знаменитый плакат «Грудью на защиту Петрограда!»⁴⁵.

Призыв Сталина к созданию народного ополчения с пропагандистской точки зрения оказался обоюдоострым. С одной стороны, он вызвал массовый энтузиазм, с другой свидетельствовал о явном неблагополучии на фронте. К примеру, по сообщению НКВД, научный сотрудник Института мировой литературы Шифман счёл создание ополчения «шагом отчаяния, признаком растерянности», заявив: «Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной армии?» Служащая Козлова высказалась ещё резче: «Поздно говорить о добровольцах, поздно обращаться к народу, когда немцы уже подходят к Москве»⁴⁶. Призыв шокировал не только некоторых «обывателей». Первый секретарь Москворецкого РК А.М. Твердовский вернулся после совещания у Молотова в подавленном состоянии и сказал второму секретарю О.В. Козловой, по её воспоминаниям: «Ну, конец, если уж народное ополчение формируют?! Где ж армия-то наша “непобедимая и легендарная”, значит, армии-то нет... Молотов вышел бледный, ты бы посмотрела, какой вид»⁴⁷.

⁴² Правда. 1941. 5 июля. С. 3. Текст на украинском — фрагменты «письма запорожцев турецкому султану». «Різницька собака» — собака мясника, в переносном смысле — «кусачий пёс».

⁴³ Возможно, на мысль о создании народного ополчения Сталина натолкнуло обращение в Ставку Военного совета Северного фронта от 27 июня 1941 г. с просьбой разрешить создание в Ленинграде семи добровольческих дивизий численностью 100 тыс. человек. 26 июня немецкие войска форсировали Западную Двину, развернув наступление в направлении Остров—Псков—Луга. В тот же день Финляндия объявила войну СССР. Противник находился недалеко от Ленинграда, при этом Северный фронт испытывал острую нехватку войск (*Демидов В.* Повесть о Военном совете // Звезда. 1987. № 1. С. 91—92; Шли на фронт добровольно: о народном ополчении языком документов / Публ. В.В. Черепанова // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 10—11).

⁴⁴ Вся мощь нашего города — на защиту отечества // Ленинградская правда. 1941. 4 июля. С. 1.

⁴⁵ Грудью на защиту нашего великого города! В боях против фашистских варваров умножим славные боевые традиции трудящихся Ленинграда // Ленинградская правда. 1941. 4 июля. С. 3. Автор плаката А.П. Аpsит (Аpsитис) указан не был. Основоположник советского политического плаката в 1921 г. уехал в Латвию, а в 1939 г. переехал в Германию.

⁴⁶ Москва военная... С. 69. Интересно, что специалист по творчеству Л.Н. Толстого А.И. Шифман (несомненно, осведомитель НКВД воспроизвёл именно его высказывание; как всегда в таких случаях степень точности неизвестна), несмотря на свой скептицизм, сам вскоре вступил в ополчение.

⁴⁷ URL: <https://zamos.ru/dossier/k/10253/>; НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 9, д. 1, л. 4—5. 5 октября 1941 г. Твердовский был снят с работы за панические настроения. Была ли это настоящая

Полагаю, что создание народного ополчения вызывалось не только «минским синдромом», но и явным недоверием Сталина к командному составу Красной армии. За несколько недель до начала войны начались аресты руководителей военной промышленности и авиации, положением в которой вождь был особенно недоволен. С 30 мая по 9 июня были арестованы бывший нарком боеприпасов И.П. Сергеев (снят с работы ещё в марте), нарком вооружений Б.Л. Ванников, начальник ПВО генерал-полковник Герой Советского Союза Г.М. Штерн, помощник начальника Генштаба по авиации дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, командующий Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник А.Д. Локтионов. Список далеко не исчерпывающий.

Аресты продолжились сразу после начала войны. С 23 по 27 июня были арестованы заместитель наркома обороны, генерал армии Герой Советского Союза К.А. Мерецков, бывший главком ВВС генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза П.В. Рычагов, командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор авиации А.П. Ионов, начальник штаба ВВС РККА генерал-майор авиации П.С. Володин, помощник главкома ВВС по авиации дальнего действия генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза И.И. Проскуров, командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Е.С. Птухин. Впоследствии Ванников и Мерецков были освобождены, остальные — расстреляны.

С первых же дней войны в ЦК и лично Сталину поступали телеграммы от партийных руководителей прифронтовых областей, негативно характеризовавшие действия военных. Секретарь Брестского обкома КП(б)Б М.Н. Тупицын 25 июня писал, что командование 4-й армии Западного фронта «оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер». Секретарь ЦК КП(б) Латвии Я.Э. Калнберзин и председатель СНК Латвийской ССР В.Т. Лацис 25 июня информировали, что в штабе Прибалтийского особого военного округа «не соблюдаются основные правила организации работы». В другой телеграмме они же сообщали, что для обеспечения защиты Лиепая и Риги вооружают и организуют «проверенный партийный актив, комсомол и рабочих». И оптимистично заключали: «Настроение отличное, наступательное». Секретарь Гомельского обкома Ф.В. Жиженков 29 июня сообщал о «деморализующем поведении... очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу»⁴⁸.

Насколько эти сведения соответствовали действительности — вопрос особый. Для нас важно, на какую информацию мог опираться Сталин, принимая те или иные решения. Одной из очевидных тенденций кадровой политики начала войны было назначение на командные посты надёжных с его точки

причина или Твердовский поплатился за неосторожные критические высказывания, установить вряд ли возможно. О.В. Козлова вскоре заняла его место.

⁴⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204—207, 214—215.

зрения людей. Эта тенденция наметилась буквально в последний предвоенный день. 21 июня Мехлис вновь был назначен на пост начальника Главного управления политической пропаганды РККА (16 июля переименовано в Главное политическое управление). В тот же день принято решение о создании Южного фронта, а его командующим назначен бывший конармеец генерал армии И.В. Тюленев. 30 июня был отстранён от должности командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов. Его сменил ещё один бывший конармеец — генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко (командовал фронтом до 4 июля, затем вновь с 18 июля), а сам Павлов 4 июля был арестован. Такая же участь постигла ещё нескольких высших воинских начальников фронта. Все они были расстреляны 22 июля. С приказом Сталина, объявившим о приговоре Верховного суда СССР, ознакомили весь начсостав от командира полка и выше⁴⁹.

10 июля командующими войсками Западного, Северо-Западного и Юго-Западного направлений соответственно были назначены бывшие конармейцы — маршалы Советского Союза С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилов и С.М. Будённый. Ещё один бывший конармеец, генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, стал командующим Южным фронтом 26 августа, сменив раненого Тюленева. Бывший конармеец маршал Г.И. Кулик возглавил образованное 28 июля Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ); 8 августа на этом посту его сменил бывший член Военного совета 1-й Конной армии Е.А. Щаденко. Никто из бывших конармейцев, за исключением Ерёмченко, на командных постах воинской славы не снискал. Да и Ерёмченко в 1941 г. был одним из «генералов поражения», доказав свою состоятельность в более поздний период, в особенности во время Сталинградской битвы. Явным выражением недоверия к командному составу армии явилось также восстановление 16 июля института военных комиссаров. Формирование народного ополчения из «лучших надёжных людей» вписывается в этот ряд институциональных изменений и персональных назначений июля 1941 г.

Создание народного ополчения носило характерные признаки кампании сталинского времени. К его формированию приступили без ясного понимания и организаторами, и добровольцами задач создаваемых дивизий. Одним из дезориентирующих факторов явилось сохранение за добровольцами заработной платы по месту работы, что создавало иллюзию командировки, несения чего-то вроде милиционной службы. Принципиальными отличиями явились подлинный энтузиазм и действительная добровольность большинства вступавших в ополчение. Уже в первые дни стала понятна утопичность идеи создания 25 дивизий численностью 270 тыс. человек. Это привело бы к дезорганизации производства, да и вооружить и обеспечить командными кадрами 25 дивизий за счёт ресурсов МВО было нереально. В постановлении ГКО от 4 июля повторялись заявленные показатели, однако затем Молотов внёс правку: «В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий»⁵⁰. Было решено призвать в ополчение 100 тыс. москвичей и 20 тыс. жителей Подмосковья. В итоге пер-

---

⁴⁹ Русский архив. Великая Отечественная: Т. 13 (2—2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 37—39.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 1, л. 11 (URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368279/images>).

вая очередь стала последней, а идея создания 25 дивизий осталась лишь в их нумерации, когда вслед за 9-й ДНО шла сразу 13-я, а за 18-й — 21-я⁵¹.

Партийные организации учреждений и предприятий стремились любой ценой выполнить план по набору ополченцев. По словам Шаховой, «в некоторых наркоматах и учреждениях записались почти все мужчины, и получилось такое положение, что некому было работать. Поэтому в процессе самой записи райкому партии пришлось отсеять около 1 500 человек»⁵². Директор 2-го Московского авторемонтного завода З. Соколин вспоминал, что «в первых числах июля 1941 г. на призыв т. Сталина 90% завода ВАРЗ записалось в ополчение, что составляло 500 ч[еловек] В числе записавшихся были директор завода и секретарь парторганизации. После разъяснения райкома руководство завода, секретарь парторганизации и часть людей были возвращены обратно»⁵³. Это был типичный случай. Первый секретарь Кировского РК А.В. Погосов рассказывал: «Почти каждая организация, предприятие приходили полностью вместе с директором и секретарём партийного комитета». Далее в стенограмме беседы им тщательно вымарана фраза: «Дело доходило до того, что приходилось закрывать предприятия». Погосов подчёркивал, что в ополчение «отбирался исключительно рабочий состав»⁵⁴.

Набрать за три дня 100 тыс. добровольцев даже в период патриотического подъёма («Москва бурлила патриотизмом», вспоминал командир батальона 8-й Краснопресненской ДНО П.И. Сараев⁵⁵) было непросто. Чтобы выполнить план, партработники нередко прибегали к принуждению или обману. 8 июля в секретариате Сталина было зарегистрировано письмо работника пункта приёма ополченцев П.И. Сидорова (члена партии с 1908 г.), сигнализировавшего: «Партийные низшие организации без всякого разбора и спроса записывают в народное ополчение всех, стараясь выполнить наивысший %! Между собой партийные руководители хвастают, кто сколько % завербовал. А происходит не вербовка, а запись в принудительном порядке всех своих рабочих и сотрудников, не взирая даже на возраст, инвалидность, специальность и желание... Мы имеем дело с грозным подготовленным врагом, озверелым Гитлером. Он силен, вооружён технически и противопоставить армию подобных добровольцев, так наспех обученных, значит погубить дело борьбы. Неужели мало у нас обученных войск?.. Или тут неправильное понимание задач народного ополчения, или просто здесь вредительство организаторов на местах». По свидетельству Сидорова, «при записи говорили, что это ополчение в роде “ратников ополчения 1 и 2 разряда”, которые везде и во всех войсках идут тогда, когда уже исчерпаны ресурсы человеческих масс», и они никак не ожидали, что их скоро могут послать в бой»⁵⁶.

Это не были фантазии чрезмерно бдительного ветерана партии. Нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов в докладной записке от 11 июля 1941 г. на имя Берии сообщал о «серьёзных недочётах в комплектовании и работе ча-

⁵¹ В октябре 1941 г. были сформированы ещё три (по мнению некоторых авторов — 4) дивизии народного ополчения («дивизии московских рабочих»), однако создавались они уже не по районному принципу.

⁵² НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 2.

⁵³ Там же, оп. 68, д. 7, л. 1.

⁵⁴ Там же, оп. 5, д. 9, л. 1—1 об.

⁵⁵ Там же, разд. I, оп. 45, д. 8, л. 2.

⁵⁶ Народное ополчение в первые месяцы войны // Военно-исторический архив. 2002. № 2. С. 77—80.

стей народного ополчения» по Краснопресненскому району, приводя следующие эпизоды: «Секретарь парторганизации “Металлширпотреб” Титов “доставил” в дивизию 14 человек, из которых 12 заявили, что их обманули, что Титов сказал им, будто они едут на митинг, а сам “отдаёт их в ополчение”. Причём половина из “доставленных” была инвалидами. В результате из 14 человек в дивизии осталось лишь 2. Руководитель артели “Швейремонтodeжда” Пестрак привёл в дивизию 13 человек. Большинству из них в артели сообщили, что они зачисляются в военный кружок с занятиями после работы. 15 человек из “Моспогруза” уже в казармах дивизии в один голос заявили: “Мы не добровольцы, нас вписали заочно”»⁵⁷.

Заместитель командира 21-й ДНО Киевского района по политчасти И.А. Анчишкин в донесении об итогах мобилизации от 14 июля писал, что «большинство партийных, профессиональных, хозяйственных и комсомольских организаций Киевского района серьёзно подошли к вопросу создания дивизии народного ополчения. Они разъясняли задачи народного ополчения, проводили вербовку и направляли в дивизию лучших коммунистов, комсомольцев и беспартийных». К числу таких организаций он относил Мосфильм, ИМЭЛ, институты Академии наук СССР и др. Вместе с тем отмечался «совершенно недопустимый подход некоторых организаций к комплектованию дивизии народного ополчения. Эти организации в погоне за количеством направляли в дивизию людей, среди которых оказалось немало лиц, совершенно не пригодных к военной службе. В результате такого подхода в одном только 61-м полку было отчислено по инвалидности за 7 и 8 июля около 25% личного состава полка, а по некоторым ротам — около 40%. Такие организации, как райпищеторг, мебельторг, завод им. Бадаева и др., направляли в народное ополчение инвалидов с протезами, с переломанными позвоночниками; с тяжёлыми грыжами, лиц, больных сифилисом, гонореей, психически больных, туберкулёзных». Похоже, руководители некоторых организаций пытались «сплавить» не самых ценных сотрудников. Руководство швейного комбината Московского горуправления лёгкой промышленности отправило в ополчение 55-летнего сторожа-инвалида, в то время как из 9 коммунистов и 46 комсомольцев этой организации были направлены один кандидат в члены партии и два комсомольца. Автобаза Военторга направила в ДНО больного туберкулёзом и инвалида с обрубленными пальцами. Директор бани № 2 в Филях отправил 51-летнего одноглазого водовоза⁵⁸.

Через несколько дней после завершения формирования ДНО были выведены из Москвы и отправлены на строительство оборонительных рубежей. Это решение явилось неожиданностью и для самих добровольцев, и для руководителей предприятий и организаций, направивших их. Добровольцы не были полностью обмундированы и вооружены лишь в минимальной степени. Согласно отчёту военного отдела Куйбышевского райкома, обмундирование ополченцам 4-й ДНО «выдали бывшее в употреблении, ботинок совсем не дали, поэтому ополченцы поехали, кто в чём был обут: в белых туфлях, тапочках, ботинках и т.д.»⁵⁹. ДНО Куйбышевского и Дзержинского районов в самом деле поехали —

⁵⁷ *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны... С. 41—42.

⁵⁸ Москва прифронтовая... С. 91. Это были далеко не исключительные случаи, см., например: *Киторага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания. С. 42.

⁵⁹ Ополчение на защите Москвы... С. 77.

районы сумели обеспечить автотранспорт. Остальные отправились пешком. Это стало первым испытанием их физической готовности — ведь медицинско-го освидетельствования добровольцев не проводилось.

На стадии спешного формирования дивизий учесть все последствия одномоментного ухода тысяч специалистов с рабочих мест было сложно. Член Военного совета МВО бригадный комиссар (впоследствии — генерал-лейтенант) К.Ф. Телегин вспоминал, что после издания приказа о выводе ополченцев в западные районы Подмосковья для боевой учёбы и строительства оборонительных сооружений «сразу же всплыли все недостатки поспешного формирования... В рядах ополченцев оказалось много больных, ограниченно годных, в возрасте старше 55 и даже 60 лет, не пригодных для полевой походной жизни и напряжённой учёбы. На некоторых предприятиях были оголены целые производственные участки, уходили крайне необходимые кадры специалистов, научных работников, крупных учёных, в том числе работавших над важными проблемами оборонного значения.

Пока дивизии формировались в Москве, всё шло как будто нормально. Руководство предприятий и учреждений рассчитывало, что ополченцы будут проходить обучение и нести службу без отрыва от работы, как это было в далёком 1917/18 году с Красной гвардией, не подумали, кто уходит и как будет с выполнением планов и новых заданий по выпуску военной продукции. И как только стало известно, что дивизии выводятся из Москвы, начались беспрепятственные телефонные звонки, партийные комитеты и Военный совет осаждались просителями, требовавшими возвратить некоторых работников, так как их нечем заменить, а командиры и комиссары дивизий слали рапорты о том, что часть ополченцев непригодна для походов и подлежит отчислению»⁶⁰.

При наборе в ополчение, по словам комиссара 24-го полка 8-й ДНО А.А. Федосеева, «принимали в расчёт и соображения политического порядка». «Многие» были откомандированы по политическим признакам: «У некоторых были арестованы родственники, братья, сёстры, некоторые были сами запятнаны, их в дивизии нельзя было держать, поэтому от них тоже избавились»⁶¹.

В отличие от обычных армейских частей, бойцов ДНО в самом деле стремились подбирать исходя из принципов добровольности и надёжности; разумеется, физическая готовность к несению службы также имела значение. В результате в первые же дни после завершения формирования дивизий началось быстрое сокращение их численности: мобилизованные помимо своей воли имели (хотя и не во всех случаях) возможность отправиться домой; отзывались специалисты, оказавшиеся незаменимыми; освобождались от «неблагонадёжных»; но самую большую долю составили отчисленные по здоровью и возрасту. Наряду с ветеранами отчислялись подростки. Нижний возраст для вступления в ополчение был установлен в 17 лет, однако, к примеру, в 13-ю ДНО попали около 200 подростков 14—15 лет. Около 150 были отправлены домой, остальные уговорили их оставить⁶². В результате если 8 июля в 4-й ДНО насчитывалось 8 тыс. человек, то 11-го — 6 852, на те же числа в 6-й ДНО — 9 тыс. и 7 456 соответственно. В 9-ю ДНО к 6 июля записалось 10 500 человек, к 11 июля численность снизилась до 8 701. В 13-й ДНО 9 июля насчитывалось 13 тыс., к середине месяца — 8 010 человек. Численность

⁶⁰ Телегин К.Ф. Не отдали Москвы! М., 1968. С. 39.

⁶¹ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 45, д. 2, л. 1—2.

⁶² Разин С.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны... С. 77.

17-й ДНО на 8 июля превышала 10 тыс., к середине месяца снизилась до 7 391⁶³. Из 2-й ДНО отчислили (в основном по медицинским показаниям и по возрасту) 3,5 тыс. человек⁶⁴.

Показательны результаты обследования 4-й ДНО, проведённого 10—11 августа группой работников политотдела 35-й армии. В итоговой справке говорилось: «Дивизия состоит из 5 900 человек бойцов и командиров, из них членов и кандидатов ВКП(б) — 1 050 человек и членов ВЛКСМ 900... Дивизия народного ополчения укомплектована из добровольцев на 98%. Кадрового состава в дивизии имеется только: командир дивизии, командиры полков, начальники штабов и незначительная часть командиров взводов, досрочно выпущенных с училища»⁶⁵. Таким образом, за месяц численность дивизии сократилась ещё почти на 1 тыс. человек. Проверяющие констатировали, что «личный состав при укомплектовании частей не проходил медицинского осмотра, в результате чего часть этого состава, вследствие физических недостатков (по предельному возрасту и больные), не пригодны для службы в РККА». Притом, что численность дивизии уже сократилась с момента формирования более чем на 2 тыс. человек. Внимание армейских политработников привлекло также то, что «в дивизии имеется большое количество бойцов-инженеров, техников, писателей, артистов, печатных работников и других высших специальностей, которых считаем целесообразно использовать по их квалификациям, этим они больше дадут пользы государству, чем их служба рядовыми бойцами в РККА»⁶⁶.

В 4-й ДНО, сформированной в «правительственном» районе Москвы, насчитывалось свыше 300 инженеров различных специальностей, 200 экономистов, 80 педагогов, 53 журналиста и литератора, 40 агрономов и т.д.⁶⁷ Число членов и кандидатов в члены ВКП(б) сократилось по сравнению с первыми днями формирования дивизии почти на 1,5 тыс. человек. Однако, на мой взгляд, это вряд ли оказало сколько-нибудь серьёзное влияние на боеспособность дивизии. Какими-либо объективными данными, показывающими связь партийности с воинской доблестью или воинскими умениями, мы не располагаем.

К концу августа во всех 12 ДНО насчитывалось 10 437 младших командиров и 68 089 рядовых вместо положенных по штату 19 068 и 108 048 соответственно (около 62%)⁶⁸.

Надёжность ополченцев не означала отсутствия критического мышления и способности ставить неудобные вопросы. Это относилось и к «наркоматовской»⁶⁹ 4-й ДНО Куйбышевского района с её внушительной партийной прослойкой. 24 августа начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А.А. Змеул доносил начальству, что во время беседы на тему «Под водительством товарища Сталина враг будет разгромлен и уничтожен» «был задан отдельными бойцами ряд вопросов, по существу, носящих провокационный характер: Почему в докладе больше подчёркнута роль товарища Сталина в период Гражданской войны, когда в то время руководил товарищ Ленин? Почему немцы

⁶³ Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. С. 106—107, 114, 117, 119, 120—121.

⁶⁴ Сеницын А.М. Московское ополчение... С. 36.

⁶⁵ ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 168, л. 8—9.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Ополчение на защите Москвы... С. 153.

⁶⁸ Сеницын А.М. Московское ополчение... С. 44.

⁶⁹ Больше всего добровольцев дали Наркомвнешторг — 550, и Наркомфин — 430 (ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 25, л. 2—5).

забирают города, а перелома на фронте не видно? Почему так получилось, что мы не знали о том, что немцы стянули к нашим границам до 240 дивизий?»⁷⁰.

Ещё одной проблемой ополченческих дивизий было вооружение. Обеспечить штатное вооружение за счёт ресурсов МВО оказалось невозможно. В результате поступало преимущественно оружие эпохи Первой мировой войны, сохранившееся на складах округа, или же трофейное, захваченное во время войны с Финляндией и польской кампании. К примеру, 9-я ДНО Кировского района имела «оружие различных систем: пушки — французские, винтовки — бельгийские, финские, французские и русские, пулемёты старого образца “Кольт”, которыми пользовались ещё в империалистическую войну и пользоваться ими могли только старые солдаты»⁷¹. 4-й ДНО передали 5 тыс. французских винтовок Лебеля образца 1886 и 1893 гг. Длина винтовки Лебеля — некогда грозного оружия — с примкнутым штыком составляла 1,83 м — выше роста большинства военнослужащих, а вес превышал 4,5 кг. Кроме того, дивизия получила винтовки Маузера, пулемёты Браунинга и Кольта и т.д., причём все виды стрелкового оружия не имели достаточного количества патронов, а артиллерия находилась в катастрофическом состоянии (как, впрочем, транспорт и средства связи)⁷². Эта ситуация характерна для всех дивизий ДНО.

Да и это вооружение ополчение получило в основном в конце июля — начале августа. Ополченцы занимались преимущественно строительством оборонительных рубежей. К 6 августа, когда личный состав 4-й ДНО привели к присяге, общий объём выполненных ими земляных работ составил 200 тыс. м³. Наряду с этим бойцы дивизии после получения оружия учились по сокращённой программе штаба МВО стрельбе из винтовки (три патрона на дистанцию 100 м) и пулемёта, бросанию гранат, борьбе с танками и т.п.⁷³

Похоже, что высшие власти, инициировав создание ополчения, довольно скоро утратили к нему интерес. По словам Шаховой, к концу июля в её подшефной дивизии «народ до того обтрепался, что ходят без подмётков. Обмундирование стиранное, старенькое было, потрепалось, вооружения нет никакого, обучать бойцов некогда, работают по 11 часов». Добиться отправки в дивизию обмундирования и вооружения, а также выделения большего времени на боевую подготовку, ей удалось только после личного обращения к Щербакову и Маленкову⁷⁴.

Вступивший в командование Резервным фронтом Жуков 7 августа направил записку в НКО (с копией Маленкову и начальнику Генштаба Б.М. Шапошникову) о состоянии ДНО: «32 и 33-я армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, прибывшие в состав Резервного фронта, имеют очень много недостатков и, если не будут приняты немедленные меры, имеющиеся недостатки могут привести к тяжёлым последствиям: 1. В дивизиях имеется много совершенно необученных и не умеющих даже владеть винтовкой; 2. Дивизии недооружены, а имеющееся вооружение — разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров; 3. Хозяйственно дивизии не обеспечены и не могут тронуться с места; 4. Части не обеспечены средствами связи, инженерным и химическим имуществом. В таком состоянии дивизии не являются боеспособ-

⁷⁰ Там же, д. 168, л. 31—32.

⁷¹ Москва прифронтовая... С. 100.

⁷² Госбезопасность в битве за Москву / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 215—217.

⁷³ *Виноградов Ю.В., Широков С.М.* По призыву родины. М., 1995. С. 20.

⁷⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 6—7.

ными». 12 августа Щаденко писал по поводу обращения Жукова в докладной записке на имя Сталина: «Дано распоряжение командующему войсками МВО о проверке всего контингента бойцов народного ополчения. На замену совершенно необученных, больных и ненадёжных бойцов назначено проверенное и обученное пополнение участников войны с белофиннами и немцами, в каждую дивизию по 500 чел[овек]». Он также информировал о предложении Шапошникова и начальника Главного управления тыла Красной армии А.В. Хрулёва перевести ополченцев на «общее положение с дивизиями Красной армии»⁷⁵.

Таким образом, немногим более месяца спустя после создания московских ДНО их предлагалось сделать обычными армейскими дивизиями. Пополнение в предложенном Щаденко количестве, конечно, не могло решить проблему. 23 августа НКО принял решение перевести ДНО на организацию и штаты стрелковой дивизии военного времени сокращённого состава, доукомплектовать и перевооружить. Теперь они должны были снабжаться в том же порядке, что и регулярные дивизии РККА. С 24 августа по 3 сентября в них отправили 49 428 человек личного состава и значительное количество вооружения, обмундирования, обуви, лошадей и т.д. Это резко улучшило ситуацию, хотя не все проблемные позиции были закрыты⁷⁶.

ДНО предполагалось доукомплектовать «за счёт военнообязанных младшего начальствующего и рядового состава с территории Московского военного округа, 1918—1900 гг. рождения, преимущественно рабочих молодых возрастов, хорошо обученных, физически крепких, политически проверенных и морально устойчивых»⁷⁷. Очевидно стремление сохранить «классовую чистоту» и надёжность дивизий. Но дистанция между ожиданиями и реальностью оказалась довольно существенной.

В 4-ю ДНО, одну из самых малочисленных среди ополченческих дивизий, прибыло пополнение в количестве почти 5 тыс. человек, однако оно оказалось далёким от идеала. Змеул докладывал: «При ознакомлении выяснилось, что прибывшее пополнение на местах формирования не было освидетельствовано медицинскими комиссиями и среди рядового состава есть немало бойцов, физически непригодных к строевой службе. Вместе с тем рядовой состав не имеет боевой подготовки, что требует проведения ряда мероприятий по его обучению»⁷⁸. Не вполне благополучно обстояло дело и с настроениями нового пополнения. В одной из рот заявили: «Мы мобилизованы, а Вы добровольцы, Вам и на фронте быть впереди». По словам Змеула, политруками волнующие новоприбывших вопросы были «разъяснены»⁷⁹.

Нетрудно подсчитать, что на начало сентября, после получения пополнения, ополченцы составляли около 61% личного состава ДНО, хотя по каждой дивизии соотношение существенно различалось. Отчисление ополченцев, очевидно, продолжалось в сентябре (хотя и в меньших масштабах). По данным Главупраформа на 3 сентября, в ДНО 32-й и 33-й армий Резервного фронта «среди личного состава, особенно старших возрастов», имелось в каждой ди-

⁷⁵ Шли на фронт добровольно... С. 12.

⁷⁶ Народное ополчение в первые месяцы войны. С. 80—87.

⁷⁷ ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 8, л. 21—23.

⁷⁸ Там же, д. 168, л. 36—37.

⁷⁹ Там же. О том, что мобилизованные «заметно отличались от ополченцев», вспоминал и заместитель начальника политотдела 8-й ДНО Н.И. Соколов (НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 45, д. 3, л. 1).

визии «до 200 человек, которые по своим физическим качествам и болезни совершенно непригодны к военной службе». Кроме того, почти во всех ДНО имелись бойцы, заявлявшие, что «якобы их зачислили в народное ополчение против их желания». Ополченцы по-прежнему преимущественно задействовались на строительстве оборонительных рубежей (10 часов в день), в то время как на боевую подготовку отводилось 4—5 часов. Две ДНО всё ещё были вооружены польскими винтовками. «Автоматическое оружие, артиллерия и миномёты состоят из французских и польских систем. Наличие автотранспорта не соотносится ни с какими нормами. Дивизии также нуждаются в шинелях. Недостает поясных ремней, подсумков для патронов. Большинство командного и политического состава не обеспечено личным оружием, топографическими картами, компасами». В докладе подчёркивалось, что «личный состав дивизий состоит из лучших людей Москвы» и его подавляющее большинство «имеет здоровое политическое настроение»⁸⁰.

15 сентября, согласно директиве Генштаба, все ДНО Москвы были включены в состав регулярных войск РККА, а 26 сентября на основании директивы НКО они получили общевойсковые номера со снятием названия «народного ополчения»⁸¹. Фактически это означало признание неэффективности формирования «красногвардейского типа» в условиях современной войны.

Какова бы ни была разница в образовании, социальном статусе или мотивации добровольцев и мобилизованных, через несколько дней всё это потеряло значение: бывшие ДНО оказались на направлении главного удара вермахта. Через три недели война разделила их на две неравные группы: живых и мёртвых. Первые остались в меньшинстве. На 29 сентября 1941 г. численность бывших 12 ДНО составляла около 133 тыс. человек. Их общие потери составили около 115 тыс. (87%), причём 5 дивизий оказались расформированы ввиду невозможности потерь⁸². В свете этого трудно согласиться с мнением, что ДНО оказались «вполне подготовленными к решению боевых задач соединениями»⁸³. Думаю, точнее обрисовал положение выпускник истфака Московского пединститута им. Ленина 1941 г., бывший боец 5-й ДНО полковник в отставке А.Е. Гордон: «Московское ополчение внесло свой вклад в оборону столицы. Его бойцы проявили высокий патриотизм и стойкость. Необученные, плохо вооружённые ополченцы практически были обречены на гибель, но они честно выполнили свой долг перед Родиной»⁸⁴.

---

⁸⁰ Шли на фронт добровольно... С. 13; 20 сентября командующий Резервным фронтом С.М. Будённый констатировал, что только в 32-й армии, состоящей из дивизий народного ополчения, «около 4 000 человек подлежат отправлению в тыл (больные, инвалиды, несовершеннолетние)» (*Разин С.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны...* С. 110).

⁸¹ Московская битва в хронике фактов и событий / Сост. В.П. Филатов и др. М., 2004. С. 129, 139.

⁸² *Лопуховский Л.Н.* К вопросу о людских потерях в Вяземской оборонительной операции // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. / Сост. О.Е. Селявина; ред. Ю.Н. Шорин. Вязьма, 2016. С. 254; *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа 1941. М., 2017. С. 620—621; *Комаров Д.Е.* Народное ополчение на Смоленской земле // Военно-исторический журнал. 2005. № 4. С. 34.

⁸³ *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа... С. 124.

⁸⁴ *Гордон А.Е.* Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 163.